

Послушным, ласковым котенком Дами пробыл только один день, а после его характер резко испортился, словно зверь подражал хозяину. Лишь Ли Инчуня он теперь признавал человеком, что может поднять его на руки или почесать за ухом, на остальных же с шипением и грозным мяуканьем бросаясь: правда, Дами все равно оставался лишь котенком размером с ладонь, потому даже в праведном гневе он выглядел умирительно.

Фу Ичжэнь застал его, сурово грызущего пальцы Чжунчу Чэна: тот глупо улыбался и приговаривал, позволяя Дами кусать себя до крови:

— Какой грозный тигр! Кто грозный тигр? У-у-у, какой свирепый, смотри, не отгрызи мне палец с корнем!

— Если пальцы не нужны, то, может, я их отрублю? — замерев в дверях, сурово спросил Фу Ичжэнь. Чжунчу Чэн вздрогнул от звука его голоса и резко поднялся: котенок, вцепившийся в его пальцы, поднялся вместе с ним. Дами не ожидал, что вдруг окажется беспомощно трепыхать лапами в воздухе, потому разжал челюсти, но заклинатель ловко поймал его в ладонь, не позволив упасть на деревянный пол. Пятый принц вздохнул про себя: значит концентрации, чтобы поймать котенка, у Чжунчу Чэна достаточно, а услышать его шаги — нет? Что это за приоритеты?

— Ваше Высочество! — радостно вскинулся Чжунчу Чэн, тряхнув белоснежной бородой. Изначально он хотел сказать другое, потому начало фразы получилось скомканным, словно рот даоса был полон еды. Фу Ичжэнь вздохнул. — Вы вернулись с новостями от Первой принцессы? Что там?

— Вчера мы присутствовали при ее встрече с госпожой Чжэн. Фэн Жун не успел еще рассказать о результатах господину Ли?

— Нет, — тут же ответил Чжунчу Чэн. — Господин Фэн очень занят каждый день государственной службой...

— Перед кем ты пытаешься за него говорить? — изогнул бровь Пятый принц. — Знаю я, чем он днями напролет занимается! Таких бездельников еще бы поискать!

Чжунчу Чэн промолчал: он не ходил за Фэн Жуном хвостом, чтобы знать, чем тот занимается, но зато хорошо знал дела Пятого принца. Тот имел формальную должность в министерстве обрядов и дни проводил в чайных и театрах — после возвращения из цзянху, чтобы избежать подозрений Императора, Фу Ичжэнь старательно изображал праздного бездельника. И, пусть у него была причина поступать так, если бы сейчас он назвался во всей столице вторым праздным повесой, никто не посмел назваться бы первым!

Фу Ичжэнь, кажется, заметил на лице своего подчиненного истинные его чувства и, совершенно не считаясь с почтенным возрастом Чжунчу Чэна, потрепал его по голове, словно провинившегося щенка. Даос и сам не возражал против такого обращения и, хихикнув в бороду, указал на внутренние покои:

— Вы пришли к Ли Инчуню? Он там, читает что-то на веранде.

— Вэньян с ним?

— Да. Сначала мы вдвоем хотели поиграть в облавные шашки, но господин Ли нас побеждал в два хода... Вэньян-гэ остался рядом с ним, чтобы почитать книги по тактике.

Фу Ичжэнь фыркнул:

— Боюсь, это не поможет... — и, последний раз взглянув на воинственно пытающегося выбраться из рук Чжунчу Чэна котенка, Пятый принц вошел в комнаты.

Пусть Ли Инчунь жил тут уже больше недели, ничего не выдавало его присутствия. Письменные принадлежности на столе стояли в ряд, не было видно ни записей, ни мусора, будто человека и вовсе не существовало, либо он был только призраком. Лишь на высоких книжных полках, что зону для приема гостей отделяли от рабочего места, стало на несколько томов больше.

Не останавливаясь, Фу Ичжэнь прошел прямо к веранде, но прежде, чем он переступил порог, раздался ленивый голос:

— Покои благородных господ открыты лишь для них и их доверенных подданных; в комнаты юных барышень входят только близкие служанки; даже в комнаты слуг принято стучать. Кем же почитает меня Его Высочество, что во внутренние покои врывается так тихо, но решительно?

— Чего?.. — спросил было Ян Вэньян, подняв от книги голову, но тут же увидел замершего в дверях Пятого принца. Он поприветствовал его. — Ваше Высочество!

— Господин Ли с каждым днем все красноречивее, — кивнув даосу, ответил Фу Ичжэнь. Не отрывая взгляда от книги, Ли Инчунь ответил:

— Надеюсь, красноречие единственное, что вас во мне восхищает.

— Думаете, у меня есть иные мотивы? — натянуто улыбнулся Пятый принц. Ли Инчунь вскинул на него взгляд своих глубоких глаз, что будто с каждым днем сиять начинали все трепетнее, и окинув Фу Ичжэня быстрым взглядом, кивнул:

— Конечно нет. Простите, что заподозрил вас в желаниях.

Ли Инчунь с книгой в руках восседал на кушетке с высокой спинкой, бессильно откинувшись на нее. Его раненная нога была вытянута на небольшой скамеечке, а остальное тело пряталось под теплым одеялом. Несмотря на то, что прошедшая ночь была одной из самых холодных и в западной части города даже выпала снежная крупа, щеки Ли Инчуна были румяными, а сам он выглядел довольным. Впрочем, в его состоянии это могло быть симптомом жара.

Пятый принц не желал опускаться до спора с больным человеком. Пусть он все еще не доверял Ли Инчуню и его манеру держаться считал невероятно раздражающей, Фу Ичжэнь проглотил недовольство и опустил в кресло напротив. Он сказал:

— Вчерашним утром мы слышали разговор Первой принцессы и госпожи Чжэн. Фэн Жун ведь еще не рассказал тебе о результатах?

— Нет, молодой господин слишком занят, чтобы уделить время безродному гостю, — отозвался Ли Инчунь, вновь опуская взгляд в книгу. — Вы пришли мне рассказать? Мгновение, я дочитаю стих.

— Кроме того, что господин Ли не хочет выразить благодарности, он и от книги оторваться не в силах? — криво улыбнулся Фу Ичжэнь. Ли Инчунь ответил ему сухо, не поменявшись в лице:

— Очаровательно с вашей стороны оповестить меня, вы молодец, — перевернув страницу и так же следя за текстом глазами, юноша продолжал говорить: — Два года я был лишен радости узнавать что-то новое и сейчас каждая похабная песенка для меня — словно императорские нефрит и яшма. В самом деле не могу оторваться.

— Пань Тань не давал тебе читать? — с сомнением спросил Фу Ичжэнь. Ли Инчунь пояснил:

— И читать, и разговаривать, и слушать. В моей комнате была только кровать, несколько шкафов и ни единой книги. Днями напролет единственным моим развлечением было смотреть, как на тутовом дереве в саду набухают почки, появляются листья, затем увядают и опадают — зрелище довольно унылое. Если вы спросите меня, то поэтам и певцам следовало бы восторгаться красотой не гор, но неба — на него смотреть уж во много раз интереснее, — на миг подняв взгляд, Ли Инчунь сказал: — Попробуйте, пока я дочитываю.

Пятого принца раздражала развязная, лишенная всякого уважения манера говорить Ли Инчуня — но отчего-то он не смог послушаться. В душе молодого человека жило упрямство, что подло шептало на ухо шумом ветра: «Не так уж наблюдать за облаками и деревьями сложно. Он лишь усугубляет, чтобы добиться жалости к себе». Фу Ичжэнь поднял взгляд вверх.

Небо было серым и мрачным: на краях его словно комья мокрого пуха собрались облака, а центр казался пронзительно пустым и холодным. Дерево гинко, растущее в саду, еще не лишилось последних желтых листьев, и на фоне пронзительной, удушающей серости неба они казались выкованными из золота и сияющей бронзы. Листья тихо цеплял холодными пальцами ветер, словно убаюкивая в своих объятьях, но порывы его были то нежны, словно песня красавицы, то суровы, словно боевой вражеский крик.

На скате крыши рос изумрудно-зеленый мох; несколько веток дерева были сломаны и держались лишь на тонких пластах мягкой коры; на верхушке забора сидела маленькая черная птичка. Казалось, за несколько мгновений Фу Ичжэнь осмотрел весь сад и запомнил каждую маленькую его черту, оттого пришлось вернуться взглядом к небу. Оно давило на плечи и сковывало дыхание. Заросший двор под ним выглядел очень маленьким и одиноким.

Вскоре Пятый принц не выдержал и опустил глаза. Только сейчас он заметил, что Ли Инчунь поднял взгляд от книги и следит за ним. Внезапно Фу Ичжэнь подумал, что если бы серое осеннее небо имело глаза, то смотрели бы они точно так же: безразлично и снисходительно, задумчиво, как на что-то незначительное, но безумно, до подрагивающих пальцев холодно.

— Ну что, не весело? — с улыбкой спросил Ли Инчунь. — Мне еще долгое время нужно будет лечить свое тело, но худшей пыткой я считаю эту тишину. Когда не о чем думать, когда не на что отвлечься и собственные мысли уже начинают казаться странными и чужими.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — прежде, чем обдумал вопрос, спросил Пятый принц. Улыбка Ли Инчуня стала шире, словно он искренне радовался вопросу.

— Видите ли, Ваше Высочество, в плену я пытался говорить со слугами или охранниками, но все они меня игнорировали. Я соскучился по общению и теперь, кажется, стал ужасно болтливым.

Вновь не сумев сдержаться, Пятый принц фыркнул:

— С твоим ядовитым языком это не доведет до добра.

— Я тоже так считаю, — легко ответил Ли Инчунь. Закрыв книгу, он положил ее себе на

колени и несколько раз тихо свистнул, словно подзывая собаку. Вздохнув, юноша спросил: — Так что вам удалось выяснить у госпожи Чжэн?

— Немногое, — честно ответил Фу Ичжэнь. Расслабленное выражение, что коснулось было красивых черт его лица, вновь сменилось отрешенной безразличной маской. — Сяоху Дань никогда не был близок с Пань Танем, но не имел и конфликтов с ним, по крайней мере не тех, о которых известно жене. У Цзяннаньского хоу нет причин на него злиться.

Ли Инчунь хмыкнул в ответ, но не спешил отвечать. Переведя на заросший и усыпанный золотыми листьями гинко пруд задумчивый взгляд, он тихо постукивал по обложке книги тонкими пальцами, что и сами напоминали ветки сухого дерева. Через время Пятый принц уточнил:

— А господин Ли за прошедшее время ничего не вспомнил? Может, ты что-то понял?

— Да, на самом деле так и есть, — спокойно ответил Ли Инчунь. Фу Ичжэнь едва сумел ровно усидеть на месте и тщетно пытался скрыть в голосе воодушевление. Он спросил:

— Что это?

Ли Инчунь с необычайно серьезным лицом обернулся к Пятому принцу и, помолчав мгновение, серьезно сказал:

— Теперь я еще более уверен, что он просто жестокий безумец, — увидев, как от этих слов нахмурилось лицо Фу Ичжэня, Ли Инчунь больше не смог притворяться серьезным и ухмыльнулся: — Сколько бы Ваше Высочество не спрашивал и не пытался меня подловить, мой ответ всегда будет одинаков — я не представляю, о чем думает этот человек. Его любовь и ненависть для вас загадка, а для меня куда более.

— Господин Ли не должен смеяться надо мной за осторожность, — сухо ответил Пятый принц.

— О? — сказал Ли Инчунь. — Почему же? Это очень забавно.

Фу Ичжэнь прищурился и готов был в лицо этому человеку высказать все, что он о нем думает, но в этот момент в разговор вступил до этого послушно молчавший Ян Вэньян. Взволнованно приоткрыв рот, отчего его борода опустилась к груди, он растерянно спросил:

— Но если мы не понимаем причину поступков Пань Таня, как получится защитить госпожу Фэн?

Пятый принц раздраженно одернул его:

— Ты даже не знаешь эту женщину.

— Ну и что? — удивился даочжан Ян. — Она — сестра моего друга, а значит я должен сделать все, чтобы помочь ей. Это будет правильно.

Ли Инчунь с улыбкой протянул:

— Очаровательно.

Фу Ичжэнь не ответил: ему вдруг показалось, что он очутился во вражеском окружении, где каждый норовит его задеть и обидеть. Да и о чем было разговаривать с людьми, один из которых был наивен, словно дитя, а другой бесстыдно наслаждался чужими страданиями?

На веранду упругим шагом вбежал черный котенок с рыжими пятнами на спине и мордочке: словно усыпанный осенними листьями. У него были короткие лапки и тонкую шерсть просвечивали случайные лучи света, однако походка котенка была очень важной и высокомерной, а в выражении его любопытно распахнутых желтых глаз сквозило пренебрежением. Приблизившись к ботинкам Фу Ичжэня, котенок придирчиво обнюхал их, а потом ударил заостренный носок мягкой лапой. Ли Инчунь позвал:

— Оставь его, он тебе не противник, — и снова коротко свистнул. Дами тут же обратил к нему мордочку, а острые уши котенка возбужденно дернулись. Оставив Пятого принца, он приблизился к кушетке Ли Инчуня и, подхваченный его рукой, уже через миг топтался по груди юноши, устраиваясь поудобнее. Кажется, свой охотничий долг на сегодня Дами посчитал выполненным.

Вслед за ним на веранду вышел Чжунчу Чэн. Он удивленно вздохнул:

— Господин Ли, и как вы приручили его так быстро? Он меня совсем не слушается!

— О, в самом деле хочешь знать? — изогнул бровь Ли Инчунь. — Это древняя техника, о которой рассказал мне мой учитель.

— Что за техника? — спросил Ян Вэньян, присаживаясь ближе. Оба даоса были заклинателями и, как все люди этого занятия, были одержимы знаниями. Ничего более важного для них не было, чем наращивание собственных сил, оттачивание навыков и применение невиданных техник. Вероятно и кости, и седые бороды старики бы безропотно отдали за призрачный шанс научиться чему-то новому.

— Я плохо помню подробности, но расскажу, что знаю сам, — вдохновенно начал Ли Инчунь, поглаживая мурчащего Дами по спине. — Сам я человек не знакомый с дао и не имеющий к нему предрасположенности, но учитель, которого мой отец пригласил обучить меня каноническим текстам, был бродячим заклинателем. Он не скупясь рассказывал о чудесных техниках цзянху, с помощью которых море можно обратить сушей и снег — летним дождем. А для, того, чтобы любого зверя заставить себя слушать нужно совсем малое количество сил и чудесное заклинание...

— Какое? — нетерпеливо спросил Ян Вэньян. Чжунчу Чэн тоже не выдержал:

— Господин Ли, расскажите нам, пожалуйста! Мы вовек будем вашими должниками!

Больше Фу Ичжэнь не мог этого терпеть, потому прервал рассказ, едва сдержавшись от того, чтобы не дать даосам по затрещине.

— Он вас дурит, — сказал Пятый принц. — Нет никакого заклинания: вы разве сами не ощущаете, что течение ци вокруг совершенно спокойно?

Только теперь даосы вспомнили, что это требуется проверить и на миг замолчали, сосредотачиваясь и проверяя потоки сил вокруг. В самом деле, в теле Ли Инчуня не было и намека на духовные силы. На лицах Ян Вэньяна и Чжунчу Чэна появилось разочарование.

— Кроме того, — продолжал Фу Ичжэнь. — Он ведь в начале рассказа еще сказал, что не обладает предрасположенностью к заклинательству: так если бы такое заклинание и было, как бы смог он его применить? Все слова господина Ли от начала и до конца ложь, чтобы подразнить вас.

— Это не так, — возразил Ли Инчунь, скрывая улыбку. — Если хочешь хорошо соврать — скажи часть правды и по своему усмотрению ее приукрась. Мой учитель в самом деле был бродячим заклинателем, но, конечно, ни о каких техниках мне не говорил.

— Бродячий заклинатель принялся работать приглашенным учителем? — с сомнением спросил Ян Вэньян. Ли Инчунь кивнул:

— Именно так. Он умел читать и писать, к тому же требовал совсем смешную плату, потому мой отец нанял его.

Глаза Чжунчу Чэн вдруг блеснули:

— Значит ли это, что и мы сможем заработать так?

— О чем это ты думаешь? — сурово спросил Пятый принц. — Вздумал оставить путь дао?

— Нет-нет, просто размышляю вслух... — начал было оправдываться даочжан, но его нерешительный голос прервали шаги из внутренних комнат. Словно налетевший с севера холодный ветер, шумный и яркий от запутавшейся в нем осенней листвы, на пороге веранды появился Фэн Жун, тут же сообщивший:

— Господин Ли, Ваше Высочество! Прошедшей ночью поместье Сяоху Даня было ограблено!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1700067>